

РАЗБОР

ПОЛЕТОВ

Юлия Латынина

Сазан

Юлия Латынина
Разбор полетов

«ЭКСМО»

1998

Латынина Ю. Л.

Разбор полетов / Ю. Л. Латынина — «Эксмо», 1998 — (Сазан)

«Разбор полетов» – это панорама перевернутой российской экономики, в которой правительственное агентство выступает в роли заказчика преступления, а московский авторитет – в роли современного Робина Гуда.

© Латынина Ю. Л., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юлия Латынина

Разбор полетов

Глава 1

Как и большинство «новых русских», а тем более явных бандитов, Валерий Нестеренко любил быструю езду. Тяжелый «паджеро» стлался на рысях по крайней левой полосе проспекта Мира, делая не меньше ста сорока километров в час. Была уже поздняя ночь: вдоль проспекта тянулись разноцветные гирлянды огней, и далеко-далеко, впереди и справа, за воротами ВДНХ, вздымался в небо гигантский шприц Останкинской телебашни.

Летний ветер бил в лицо, запоздавшие легковушки шарахались от дорогой иномарки, как плотвички от щуки. Два бронзовых человека – Рабочий и Колхозница – глядели немигающим суровым взглядом на капиталистическую Москву, и молот и серп в их сплетенных руках вздымался высоко-высоко, словно готовый обрушиться на бандитскую иномарку. На траверзе ВДНХ перед «паджеро» замаячили габаритные огни еще одного запоздавшего путешественника.

Нестеренко пригляделся: это была «мазда», и явно не девяносто восьмого года рождения. «Паджеро» свирепо взмигнул дальним светом. «Мазда» и не подумала уступить дорогу, водитель выжимал из почтенной старушки сто двадцать км в час.

Нестеренко слегка сбавил скорость и с досадой увидел, что сзади его стал догонять еще один автомобиль.

Нестеренко свернул на резервную полосу и утопил педаль газа до упора. Мощный, но тяжелый «паджеро» стал нехотя разгоняться: был у внедорожника этот недостаток, скорость он набирал куда медленнее, чем сухощавый «мере». Третья тачка, не теряя времени, выскочила еще левее, натужно звеня двигателем в обход «мазды» и внедорожника.

В следующую секунду за спущенным стеклом торопыги мелькнул силуэт с непропорционально длинным, увенчанным глушителем автоматом.

Выстрел был бесшумен – с громким хлопком осела словившая пулю шина. Руль вырвало из рук бандита. Тачка встала на дыбы, словно лошадь, которой ткнули в морду факелом. Мир закружился волчком, машину вынесло на встречную полосу, и сквозь покрывающееся трещинами стекло Нестеренко увидел белые от ужаса фары несущегося наперерез трейлера.

Действуя почти автоматически, Валерий вновь поймал руль и крутанул его до отказа вправо, одновременно срывая ручной тормоз и вдавливая педаль газа в пол до упора. Это был классический «полицейский разворот» – заблокированные задние колеса должны были забрать влево и развернуть машину, но вместо этого ничего не случилось. «Паджеро», как волчок с горки, вальсировал навстречу трейлеру.

От опасности соображалка работает куда быстрее, и Нестеренко понял, что случилось, за какие-то доли секунды. «Паджеро» – это же внедорожник. И сейчас у него были заблокированы все четыре колеса, а не только два задних.

Валерий сбросил ручник и воткнул вторую передачу. Машина нехотя начала выходить из затяжного вальса, перелетела обратно через резервную полосу и заскользила к обочине, бочком-бочком, словно школьник, пытающийся улепетнуть со скучного собрания. Внедорожник легко перемахнул через высокую бетонную кромку тротуара, боднул зазевавшуюся урну и смачно вцепился всей мордой в уголок автобусной остановки, совершенно в эту пору безлюдной. Раздался сильный удар, чугунный столб прогнулся, и по крыше безвинного «паджеро» забарабанил стеклянный дождь. Валерия швырнуло о рулевую колонку, и в груди бандита что-то ощутимо хрупнуло.

Трейлер проскочил мимо, отчаянно скрипя колесами и загребая к обочине.

Валерий рванул дверцу и выкатился наружу, в теплую московскую ночь, на траву, пропитанную за день удушливым автомобильным дымом. Позади, метрах в двадцати, уткнувшись покалеченным носом в бетонный столб, шипела глупая «ма-зда», которая так не хотела уступать дорогу бандитскому «паджеро». То ли ей попало за компанию, то ли водитель просто не справился с управлением.

Но размышлять над судьбой водителя «мазды» у Нестеренко не было времени. Белая «девятка», из которой велась стрельба, с визгом развернулась и полетела обратно по ночному проспекту.

Сазан распластался на обочине, выхватив «ТТ». В открытом окне «девятки» мелькнуло невнятное пятно лица и черный силуэт самого знаменитого в мире автомата, чье изображение украшает государственные гербы шести развивающихся стран.

В следующую секунду «девятка» промелькнула мимо Нестеренко. Град пуль обрушился на заднее крыло невинной «мазды». Нестеренко прицелился и выстрелил. Автоматчик кувырнулся в глубь салона, «девятка» вильнула и полетела в темноту.

И только тогда Валерий Нестеренко по кличке Сазан, глава одной из крупных московских группировок, осознал невероятный, но не подлежащий сомнению факт: стреляли не в него.

Стреляли во фраерка, сидевшего в «мазде».

Редкие машины, ставшие свидетелями ночного киносеанса прямо под открытым небом столицы, разбегались кто куда, вовсе не горя желанием связываться с бандитской разборкой. Наверняка кто-то из них уже вызвал по телефону ментовку.

Валерий бросился к покореженной «мазде». Дверцу машины заклинило, капот оскалился в гротескной улыбке, обнажив беззубую щель, сквозь которую можно было разглядеть потроха двигателя и белый обод воздушного фильтра. В машине что-то тихо потрескивало, пробитый бак, что твой Бахчисарайский фонтан, плакал прозрачными бензиновыми слезами.

Валерий выбил из дверцы остатки стекла и потащил наружу мягкое, как простыня, тело с бессмысленно вытаращенными глазами.

Кто— то рядом рвал заднюю дверцу. Валерий обернулся и сообразил, что это водитель трейлера, едва не расплющившего «паджеро». Единственный среди двух десятков водителей, проехавших сцену кошмарной катастрофы, решившийся остановиться.

Задняя дверца подалась, и ее пассажир полез наружу сам: Валерий увидел краешек мини-юбки и тонкую руку в дешевом деревянном браслете.

– Беги дальше, – закричал Валерий, – сейчас как рванет!

Рвануло и вправду солидно: откуда-то с кормы вдруг взметнулся язык красного, как пионерский галстук, пламени, «мазда» взбрыкнула задом и загорелась, как бенгальский огонь, разбрасывая вокруг себя веселые новогодние искры.

Валерий с дальнобойщиком к этому времени были уже метрах в двадцати. Девушка пришла в себя и истерически всхлипывала, цепляясь тонкой лапкой за клетчатую рубашку водилы. Ее спутник висел на руках Нестеренко обвисшей макарониной.

Нестеренко оглянулся на собственную тачку. Как ни странно, «паджеро» ухайдакался не до смерти.

Внедорожник стоял весь усыпанный стеклом от автобусной остановки, но приваренные на носу штанги отчасти защитили двигатель от удара. Более того, левое переднее колесо, словившее пулю, было хоть и приспущено, но не до конца. Залитый в камеру герметик явно оказался на высоте. Правда, откуда-то из-под капота вытекало темное вязкое пятно – скорее всего, масло. Было полное впечатление, будто испуганный автомобиль обделался по-маленькому. Валерий сунул руку за пазуху и рассеянно выгреб оттуда останки раздавленного рулевой колонкой мобильника.

У Валерия было два выхода. Один – выложить эту парочку на траву и уехать, не дожидаясь, пока нагрянувшая ментовка примется выяснять, не превысил ли господин Нестеренко пределов необходимой самообороны, паля в проезжающую «девятку» из незарегистрированного ствола. У Валерия Нестеренко была хроническая неприязнь к общению с людьми в форме. Другой выход...

– В тачку, быстро! И в больницу! – скомандовал Нестеренко.

Спустя минуту покореженный, но все еще пригодный к передвижению «паджеро» выкатился с обочины на шоссе. Левая передняя камера прихрамывала, но воздух держала. Девушка сидела рядом с Валерием. Парень лежал на заднем сиденье. Валерий убрался как раз вовремя: исчезая в широкой подворотне многоэтажки, он заметил в зеркальце заднего вида всполохи милицейских «синеглазок». Впрочем, его торопливость объяснялась не только нежеланием встречаться с ментами. Еще полчаса – и никуда к черту на этой тачке не уедешь: масло все вытечет и двигатель заклинит на первой же сотне метров.

Минут десять спустя на заднем сиденье что-то зашевелилось, и тонкий мальчишеский голос спросил:

– Куда мы едем?

– Очнулся? – спросил Нестеренко, – в больницу.

– Не надо в больницу, – попросил парень.

Нестеренко с визгом свернул к обочине, заглушил мотор и обернулся.

Только теперь, при свете уличного фонаря и приборной доски, он смог как следует рассмотреть обоих пассажиров незадачливой «мазды». И хотя Валерий Нестеренко был «афганцем» и человеком, привычным ко всякой мерзости и крови, он внезапно почувствовал, как сердце его уходит куда-то вниз, а руки сами собой сжимаются в кулаки.

Перед ним были дети. Мальчишке было лет пятнадцать, не больше: у него были узкие плечи, цыплячья шея и черные большие еврейские глаза. Девочка, которую Нестеренко в попытках принял за шлюху, явно была его одноклассницей: кокетливая красная мини-юбка, притягивающая на сексапильность, была, видимо, куплена на загородной толкучке за пятьдесят рублей, красные же босоножки стоили ненамного дороже, а неловкий и обильный грим был теперь размазан по почерневшему личику.

Шок явно не прошел: девочка кивала головой, как болванчик, и часто дышала. Вот-вот она опомнится и заплачет.

Нестеренко видел много трупов, и некоторые из них были его собственного производства. Но он не помнил, чтобы ему пришлось в голову заказать двух пятнадцатилетних детей. И он абсолютно не мог представить себе ситуации, в которой он бы захотел или смог это сделать.

Нестеренко вышел из машины и открыл заднюю дверцу.

– Сам можешь вылезти? – спросил он парня.

– Да, – сказал тот, – только рука болит. Наверное, сломана. Рука его висела под каким-то нелепым углом.

Расположив мальчика на травке, Валерий разрезал рубашку парня и осторожно коснулся локтя. Парень вскрикнул.

– Смещенный перелом, – констатировал Нестеренко.

Дальнейший осмотр выявил наличие парочки сломанных ребер и обширные синяки.

– Твоя очередь, – сказал Валерий девочке.

– А?

– Раздевайся, – ехидно сказал Нестеренко, – буду тебя лапать.

Девочка уткнулась носом ему в подмышку и заплакала. Быстрый осмотр показал, что ей повезло куда больше, чем ее кавалеру. Невосполнимые и окончательные потери понесли только босоножки, у которых в спешке отодрался каблук, да кофточка, разодравшаяся чуть не пополам, пока дальнобойщик вытаскивал ее из покореженной машины. Лифчика под коф-

точкой не было, и девочка теперь сиротливо сжимала ее на груди, пытаясь прикрыть острые маленькие грудки.

– Как тебя зовут? – спросил Валерий мальчика.

– Мишка. А ее Лера.

– И почему ты не хочешь в больницу?

– Я боюсь. Вдруг они в больницу тоже придут?

– Кто – они?

Мальчик не отвечал. Зато вдруг встрепенулась девочка.

– А почему вы стреляли в эту машину? – спросила она.

– Как – стреляли? – насторожился мальчик.

– Ты не видел, а я видела, – пояснила Лера. – Они нас сначала подстрелили, а потом развернулись и хотели нас добить. Они попали в машину, а потом он, – и девочка ткнула тонкой лапкой в Валерия, – сшиб того, который стрелял, и они нас не добились и поехали прочь.

Девочка опустила руку, и деревянные браслеты на ней легко звякнули. Мальчик уставился на Валерия черными большими глазами.

– Кто вы такой? – спросил он.

– Проезжий, – сказал Валерий. – Считаю, что вам крупно повезло. Не люблю, когда на моих глазах мочат людей без моего на то разрешения. Тебе, Миша, сколько лет?

– Пятнадцать. И три месяца.

– И давно у нас с пятнадцати права выдают? – поинтересовался Нестеренко.

– А давно у нас в черте города на ста сорока ездят? – возразил мальчик.

– Почему в тебя стреляли?

– Это, наверное, не в меня. Это в отца. Тачка-то отцовская, – пояснил мальчик.

– А кто отец?

– Генеральный директор «Рыково-АВИА», – сказал мальчик.

– Это что – аэропорт Рыковский?

– Авиакомпания и аэропорт.

– С ума сойти. Он что, еще существует? Я думал, он давно загнулся.

– Так, – проговорил мальчик, – летаем немножко.

– И за что на твоего папашу наехали?

– Не знаю, – сказал мальчик. Черные глаза упрямо сверкнули. Он явно что-то знал, но беседовать на эту тему со случайным проезжим, которому не нравится, когда в людей стреляют без его позволения, не намеревался.

– Не надо в больницу, – попросил мальчик, – отвезите нас домой.

Сазан обошел искалеченный «паджеро», попинал словившее пулю колесо. Сразу за тачкой, ровно посередине дороги, тянулась слабая темная полоса из масляных капель. Сазан с неожиданным беспокойством подумал, что, если найдется какой-нибудь крутой гаишник, он просто отследит подраненную машину по следу, тянувшегося за ней, как капли крови за тяжелораненым. Н-да. Надо было бы позвонить Мухе, но мобильник приказал долго жить. Что же касается уличных телефонов, тут Валера не питал иллюзий. В поисках живого аппарата он спокойно мог бы исколесить полгорода, и к тому же, говорят, они сейчас работали на каких-то хитрых жетонах, которых Валера никогда в жизни не видел.

– В натуре, – сказал Сазан. – Отвезу. В Рыково. В час ночи. К черту на рога. По незнакомой дороге. Два часа езды. Ты молись, если эта тачка еще полчаса протянет...

Спустя два часа Миша и Лера были уложены спать в гостевых комнатах на даче Сазана в Яблочкове. Ребята, охранявшие дачу, обладали достаточными врачебными навыками, чтобы оказать детям первую помощь и наложить шину на сломанную руку Миши.

Детей вымыли, вычистили и выдали обоим снотворные таблетки в количестве двух штук на душу.

Когда суэта улеглась, а часы в гостиной важно пробили три часа ночи. Сазан набрал номер сотового телефона, оставленный ему Мишей. Трубку, несмотря на позднее время, сняли почти немедленно.

– Виталий Моисеевич? – сказал Нестеренко.

– Кто говорит? – с надрывом закричали в трубку.

– Неважно. Я насчет вашего ребенка. Он у меня...

Нестеренко остановился. В трубке послышался странный звук, словно кто-то втянул воздух сквозь зубы и потом выдохнул.

– Ты... – начала трубка.

Дальнейшие произнесенные в эфире слова не значились ни в каком добропорядочном словаре. И если бы эти слова произносились, скажем, не по сотовому телефону, а по пейджеру, то операционистка наверняка отказалась бы их принимать, так как пейджинговые компании не передают сообщений, оскорбительных для клиента по содержанию и матерных по форме.

Нестеренко послушал, любуясь про себя тем, как глубоко овладел великим и могучим русским языком человек с картавым "р" и с отчеством «Моисеевич», а когда его собеседник наконец иссяк, с преувеличенной вежливостью сказал:

– Господин Ивкин, вы меня не так поняли. В вашего сына сегодня стреляли. Беленькая «девятка», водитель и автоматчик. На проспекте Мира. Его тачка сторела. Я проезжал мимо. Я вытащил его из машины. Его и девочку Леру. Он попросил не везти его в больницу. Я привез его к себе. А за «козла» знаешь что бывает?

Трубка убито молчала.

– Господи, – сказал Ивкин. – Извините, пожалуйста. Я...

– Вы бы лучше пятнадцатилетнему парню тачки не давали.

– Где вы живете? Я сейчас же приеду...

– Не советую. Миша спит сладким сном в мягкой постели с обезболивающим и снотворным. А ночью я бы на вашем месте никуда не ездил. Эти парни в «девятке» были настроены очень серьезно. Приезжайте утром, только с охраной. У вас есть охрана?

Господин Ивкин упавшим голосом подтвердил, что у него есть охрана. Нестеренко дал ему свой адрес и телефон и повесил трубку.

Когда Валерий обернулся, он увидел, что в комнате он не один: у большого мраморного камина стояла девочка Лера. После купания ей выдали белый махровый халат, рассчитанный на увесистого мужика пятьдесят четвертого размера. Полы халата волочились за ней по паркету, а тощая шейка выглядывала из махровых валиков воротника, как улитка из раковины.

Теперь, когда ее отмыли от косметики и грязи, Валерий заметил, что девочка дивно хороша. У нее была маленькая головка с зачесанными назад волосами, большие серые глаза и пухлые, по-детски порочные губки.

Склонив голову набок, девочка рассматривала нежданного «проезжего». Парня лет тридцати, поджарого, с хищным лицом и ослепительно белыми зубами, с глазами цвета топленого леденца, глазами, имевшими неприятную привычку не мигать и смотреть на собеседника словно сквозь оптический прицел. После ночных приключений Сазан переоделся в дорогой

тренировочный костюм, и внимательный взгляд мог углядеть на левом запястье, чуть пониже платинового «Ролекса», шрам то ли от пули, то ли от сведенной татуировки.

– Ты чего не спишь? – сказал Валерий, – немедленно марш в постель. И не ходи по полу босыми ногами.

Девочка по-прежнему смотрела на него, склонив головку.

– А вы бандит или бизнесмен? – вдруг спросила она.

– С чего ты взяла, что я бандит?

– Вокруг Мишкиного отца тоже все время крутятся. Они по виду похожи, а так присмотришься, и сразу увидишь, кто есть кто.

Сазан подошел к стоявшему в углу бюро и нашарил в нем визитную карточку.

– Устраивает? – сказал он.

В правом углу карточки значилась завитая эмблема: "Коммерческий банк «Ангара». Чуть ниже стояло: Нестеренко Валерий Игоревич. Член совета директоров.

– Ну и что? – сказала девочка. – Вокруг Мишкиного отца тоже полно таких. Тоже замы и преды. А как посмотришь, так он десять лет отсидел.

Нестеренко хотел было сказать, что он сидел не десять лет, а два, но только махнул рукой и повторил:

– Иди спать, тетка.

Ивкин Виталий Моисеевич явился за своим отпрыском в семь утра.

Это был мужчина лет пятидесяти, с двойным подбородком и большими залысинами на крупной, что твоя тыква, голове. Сазан с удивлением отметил, что костюм сидел на нем мешком и пошит был не у Грекова и не у Версаче. А крупногабаритный мобильник, торчавший из кармашка, был явно предпочтен более удобным моделям за дешевизну.

Отец Миши был, видимо, жутко смущен своим вчерашним монологом по телефону. Он извинялся минут пять, пока невыспавшийся Нестеренко, остро страдавший от отсутствия привычной утренней тренировки, не оборвал его.

– Давай лучше к делу, – сказал он, – кто тебя заказал?

Директор чистосердечно развел руками.

– Не знаю, – сказал он, – это недоразумение. Брови Нестеренко взлетели вверх.

– Я что, похож на мента? – жестко оскалился он.

– Нет, Валерий Игоревич. Вы не похожи на мента. Эта дача, – и директор обвел широким жестом и изысканно отделанную гостиную, и мраморный камин, и широкие окна, сквозь которые виднелись скучающие у ворот охранники в камуфляже, – я бы сказал, что вы похожи очень даже наоборот.

– Тогда зачем гнилой базар? «Недоразумение»!

– Но... в конце концов... это не может быть серьезно! Миша... он почти здоров, они же не стреляли по нему!

– Твоего сына чуть не убили, – сказал ровным голосом Сазан, – он остался жив потому, что наши тачки шли гуськом. И когда эти парни развернулись, чтобы выдать «мазде» добавку, то я принялся по ним стрелять. Понимаешь, у меня рефлекс: если рядом стреляют, значит, стреляют в меня. А если стреляют в меня, то я стреляю в ответ. Такие вот привычки с Афгана. И если бы меня не случилось поблизости, твой сын лежал бы сейчас в морге с повышенным содержанием свинца в различных тканях тела. И девочка лежала бы рядом. Ясно? Не хочешь говорить – ради бога. Я своих услуг не навязываю. Я, знаешь ли, не халдей в кабаке.

Нестеренко поднялся.

– Пойдем кофе попьем, пока дети не встали, – сказал он.

Директор поплелся за ним на веранду, где на крытом белой скатертью столе дымились две чашки с капучино и стояла целая горка фруктов и плюшек. Пили кофе молча: директор от волнения сожрал добрую стопку плюшек, а Нестеренко скормил плюшку забредшему на террасу павлину.

Директор проводил павлина изумленными глазами.

– Ты вчера вечером из дому выезжал? – спросил Сазан.

– А? Да.

– Куда?

– В Москву. Один друг просил приехать.

– И как друга звать?

– Это неважно. Старый друг, пилот-международник, бывший. Теперь начальник управления в СТК.

– Где-где?

– В Службе транспортного контроля. Есть у нас такое... правительственное агентство.

Показалось это Нестеренко или нет – но слова «правительственное агентство» были произнесены весьма странным тоном. Тонем, подобавшим скорее анархо-синдикалисту или какому-нибудь горячему ненавистнику продажного правительства, чем уважаемому генеральному директору авиапредприятия, даже пускай и ходящему в несколько потрепанном пиджаке.

– И на чем ты поехал?

– А...Э... Я хотел на «мазде» поехать, а тут гляжу – «мазды» нет. Я чуть не подумал, что ее угнали, а потом смотрю, что в Мишкиной комнате пусто. Вызвал водителя и поехал.

– Понятно. И друг твой не был удивлен, что ты приехал?

– Нет.

– И о чем вы таком серьезном говорили, что надо было в Москву переться за полночь?

– Ни о чем особенном. Об акционерном собрании.

– Каком акционерном собрании?

– Нашем, каком же еще. «Рыково-АВИА». Будет послезавтра. Сазан задумался.

– Я в этих вещах рублю слабо, – сказал он, – но, по-моему, акционерные собрания бывают весной. Поздно в июле для акционерного собрания.

– Это внеочередное.

– И кто его созывает?

– СТК.

– А что они, акционеры?

– Да, у них контрольный пакет. В смысле контрольный пакет у государства, а управляет этим пакетом СТК.

– И чего они хотят?

– Снять меня.

– За что?

– За то, что аэропорт в глубокой заднице.

– А что, у нас кого-то снимают за то, что что-то в глубокой заднице? – выгнул брови Сазан. И добавил:

– Я бы тогда с президента начал.

– Меня снимают.

– И кого хотят поставить?

– Не знаю. Есть у них вроде один – Кагасов, что ли. Если бы Сазан досконально знал законодательство об акционерных обществах, он мог бы с уверенностью сказать, что директор лжет. Потому что по закону кандидатура, предложенная акционерами на пост генерального директора, должна быть внесена в списки для голосования как минимум за сорок пять дней до

созыва собрания, и стало быть, «не знать», кого прочт в его преемники, Ивкин не мог. Сазан акционерного законодательства не изучал, но, что Ивкин врет, понял и без того.

– И чем этот Кагасов занимается?

– Тоже аэропорт возглавляет. Где-то на юге.

– А поточнее?

– Ну Еремеевкой он заведует. В Краснодарском крае.

– И что, аэропорт Еремеевка под бдительным надзором господина Кагасова процвел и поразил чиновников СТК своей высокой доходностью и безупречным качеством обслуживания пассажиров?

– Дерьмо, а не аэропорт, – искренне сказал Ивкин. – Внутри Союза три самолета в неделю, и те грузовые. Правда, чартером летают в Турцию, в Грецию. Мешочников возят. Налоги за три года не плачены. Убытки за прошлый год пять миллиардов. У нас хоть налоги заплачены, а то бы нас обанкротили.

– И почему СТК так хочет посадить человека из аэропорта, который не платит налоги, в аэропорт, который налоги платит?

– Не знаю. Говорят, он в СТК кому-то родственник.

– Возможно, – сказал Сазан, – но как-то у тебя концы с концами не сходятся. Ну, родственник. Ну, кому-то ты перешел улицу. Но, как ты совершенно справедливо отметил, эта твоя СТК – правительственная служба. Причем, извини, самая какая-то захудалая: в жизни не слышал, что такая есть... Сидит, небось, на десяти столах в трех комнатах, а остальные двадцать сдает в наем. И вдобавок она тебя послезавтра законно снимет. Не она же тебя заказывала?

– Я и не думаю, что она.

– Тогда почему твой старый друг позвал тебя ночью в Москву и почему «мазду», в которой ты должен был ехать, расстреляли из автомата?

– Не знаю. У компании есть долги. И я в долг тоже давал. Довольно много. Раньше, когда дела у нас были лучше.

– Понятно. А теперь, когда дела компании плохи, а тебя вот-вот вышвырнут из кресла, ты попросил долги вернуть?

– Допустим.

– А твоего старого друга среди твоих должников случайно нет?

По тому, как сморгнул директор. Сазан внезапно понял, что его вопрос попал точно в цель.

– Ты один к другу ездил?

– Нет. С замом. С Алексеем Глузой.

– А почему это к другу – да с Глузой?

– Потому что он у меня правая рука. Не хотел я один на один встречаться с человеком из СТК.

– То есть когда твой друг тебе позвонил, ты перезвонил Глузе и сказал: «Поехали».

– Да.

– А твоя правая рука не могла тебя заказать?

– Зачем? Уйду я – его вышибут в полминуты. Сазан взглянул на часы: стрелки уже подбирались к восьми, солнечное пятно, лежавшее в начале беседы на самом краю скатерти, незаметно перебралось поближе к середине.

– Ладно, – сказал Сазан, – пошли деток будить. У тебя «крыша» кто?

Застигнутый внезапным вопросом директор замялся. Потом пробормотал:

– Шило. Они у нас ТЗК держат.

– Че-го?

– ТЗК. Топливозаправочный комплекс. Сазан прикинул расклад. Шило был довольно известным подмосковным авторитетом, был причастен к водке и к бензину, и каким образом его ребята попали на топливозаправочный комплекс, было совершенно понятно. Сазан не помнил, чем там точно заправляются самолеты – не то керосином, не то каким-то особым бензином, но в любом случае каким-то розничным углеводородом. А розничный углеводород на северо-востоке Москвы – это Шило.

– Ладно, – сказал Нестеренко, – передай Шиле привет от Сазана и скажи, чтоб он тебя берег пуще зеницы ока. А то он вон с тобой прислал каких-то... одноразовых, – и Сазан с явным презрением кивнул в глубь дачи, туда, где сквозь листву виднелось несколько фигур: ребята Сазана беседовали с охранником и шофером Ивкина.

Было уже десять часов утра, когда Сазан, покончив с утренней разминкой, вышел из душа и, потирая руки, уселся за достархан на веранде.

– Посмотрим, что Бог послал! – радостно проговорил он.

Бог послал бандиту на завтрак яичницу, здоровую, что твой тележный обод, и густо усыпанную ветчиной и зеленью, большой кувшин холодного молока и целую кучу корейской строганной моркови, до которой Сазан был большой охотник. Сазан завтракал не один – напротив него сидел молодой, плотный парень, правая рука Нестеренко, по кличке Муха. Погоняло свое Муха заработал не из-за фамилии (звали его по паспорту Алексей Муханов), а из-за давней истории: года три назад молодой и безусый еще Лешка Клещ, воображая себя парнем крутизны необыкновенной, наехал на одного бизнесмена, отказывавшегося возвращать деньги обратившейся к Лешке структуре. Бизнесмен оказался борзой, Лешку с двумя качками велел спустить с лестницы, и на следующий день Лешка, недолго думая, подъехал на «девятке» к офису бизнесмена и шмальнул по окнам из «мухи». По мысли Лешки, от бизнесмена и его конторы должны были остаться мелкие тряпочки, но так сложилась судьба, что два фраерка, продававшие Лешке и гранатомет, и гранаты, кинули его по-черному, и вместо собственно гранат впарили металлические болванки, употребляющиеся на учениях.

В результате вместо крошечного смертоубийства болванки разнесли стекло и попортили факс.

Самое смешное, что бизнесмен жутко струхнул и деньги выплатил: он-то понял так, что болванки предназначались ему как урок, да и Лешка быстро провернулся мозгой и через пять минут позвонил фраерку из автомата с грозным предупреждением: «В следующий раз шмальнем настоящими!»

Словом, все закончилось хэппи-эндом, но Сазан прослышал об огрехе своего звеньевого и разъяснял ему долго и внятно, что замочить лоха – дело нехитрое, но что на мочилову бабки только тратятся, а его, Лешки, задача – бабки приумножать. Лешка эту мораль накрепко усвоил и с тех пор людей по пустякам не гасил, а вот прежняя его кличка сдохла сама собой, и накрепко прилепилась новая, напоминавшая об истории с гранатометом.

– Там ребята не выяснили, – спросил Сазан, – к кому этот фраерок вчера ночью ездил?

– Некто Петр Алексеич.

– Ладно. Есть такая контора – Служба транспортного контроля. Пробей, кто из ее шишек по профессии пилот-международник, а по имени-отчеству Петр Алексеич. И пристрой за ним хвост, только в темпе.

– Валер, – опасно спросил Муха, – а мы на чужую делянку не лезем?

Сазан выпятил нижнюю губу. Лицо его на мгновение утратило всякую привлекательность и приобрело странный вид: больше всего оно в этот миг напоминало оскаленную маску демона, вроде тех, которыми расписаны стены храмов в Амритсаре. Потом лицо Сазана расплылось в улыбке.

– Тачку к механикам отвезли? – спросил Сазан.

– Да.

– Что они говорят?

– Двадцать штук, говорят, не меньше. Крылья битые, перед битый, там еще двигатель надо перебирать – чего-то там треснуло, и все масло вылилось, они вообще удивляются, как его по дороге не заклинило. По мне так лучше ее на запчасти продать, все равно порченная. На такой тачке ездить – все равно что на шлюхе жениться.

Нестеренко улыбнулся.

– Вот видишь, – сказал он, – двадцать штук. А ты меня еще спрашиваешь, зачем мне Петр Алексеевич. Надо же знать, кому выставять счет за ремонт.

Глава 2

Тезка великого царя-преобразователя Петр Алексеевич Воронков, заместитель начальника управления коммерческих перевозок Службы транспортного контроля, прибыл на работу в девять ноль-ноль, как то было заведено у Воронкова вот уже третий год. Утро протекло в хлопотах и заботах, и хотя Петр Алексеевич сочинять бумаги любил и особую страсть испытывал к сложноподчиненным предложениям, все же он не мог не поразмышлять о неисчислимых бумагах, ненужных звонках и о времени, спущенном в унитаз. Особенно раздражил Воронкова один звонок: в час пятнадцать ему позвонил какой-то мужской разбитной голос и стал добиваться Петра Михайловича.

– Петра Алексеевича, может быть? – спросил Воронков.

– Я куда звоню? – непонятно поинтересовался голос.

– Вы попали в Службу транспортного контроля, в кабинет Воронкова, – раздраженно проговорил Петр Алексеевич, – здесь нет никакого Петра Михайловича, и я прошу вас этот телефон больше никогда не набирать. Это правительственный телефон.

На другом конце трубки наступило замешательство, собеседник вздохнул и заткнулся. Петр Алексеевич был доволен. По небрежному тону голоса и некоторым деталям (например, собеседник не поздоровался, а сразу закричал в трубку: «Михай-лыч!») Воронков умозаключил, что имеет дело с особой из простонародья, с похмелья перепутавшей телефон. Воронков надеялся, что упоминанием слов «правительство», «служба» и «кабинет» особь была приведена в состояние надлежащего почтения к крупному чиновнику, ненароком ею обеспокоенному.

Петр Алексеевич придавал большое значение своим маленьким полномочиям.

В три часа пополудни белая «ауди» Сазана остановилась у небольшого особнячка на Сре-тенке, занятого Службой транспортного контроля.

Особнячок был недавно отремонтирован и покрашен нежной салатной краской, резко контрастировавшей с черным гранитным цоколем. На двери, украшенной эмблемой СТК, красовалось еще по крайней мере пятнадцать строгих черных табличек с названиями фирм. Сазан хмыкнул: его давешняя фраза насчет «комиссии по пчеловодству» попала в точку: СТК сдавала в аренду большую половину помещений, и редкий начальник мог претендовать в ней на отдельный кабинет. Даже Петр Алексеевич Воронков – даром что заместитель отдела – делил свою крошечную комнатку с еще одним сотрудником, неделю как обретавшимся в отпуске.

Дремлющая вахтерша немедленно оживилась при виде шикарно одетого посетителя и грудью заградила ему проход.

– Молодой человек! Вы куда?!

Глазки вахтерши буравили молодого человека, пытаясь признать в нем международного террориста, беглеца от правосудия или иную, столь же нетерпимую в приличном заведении личность.

– К Кистеневу, – устало сказал Сазан. Отыскав фамилию Нестеренко среди кучки заявок, вахтерша присмирела, как соседская овчарка, которой кинули кусок мяса, и отодвинулась от прохода.

Сазан поднялся по старой выщербленной лестнице и углубился в коридор, унылый и длинный, как заброшенная узкоколейка, с пеналами дверей через каждые три метра. Черные таблички на дверях напоминали надгробные надписи. Где-то здесь, наверное, прозябал неведомый Кистенев, через которого ребята какими-то своими путями заказали Сазану пропуск.

Навстречу Сазану проплыла девица в мини-юбке, свернула налево и пропала в двери в конце коридора. Сазан невольно глянул ей вслед: он успел заметить вальяжного охранника,

подвесной потолок и европейскую отделку стен. Потом дверь закрылась и уставилась на Сазана переговорным устройством с вмонтированной в него камерой и табличкой: «Петра-Авиа».

Фирмы, снимавшие у СТК площадь, явно жили неплохо. И вполне возможно, что близость их к авиационному начальству и была причиной их процветания.

Сазан решительно отвернулся от двери с глазком, поплутал немного в коридорах и наконец вошел в дверь с табличкой: «Воронков П. А.».

Петр Алексеевич Воронков оторвался от бумаг и обозрел очередного посетителя. Это был молодой человек лет тридцати, с твердым подбородком и внимательными цепкими глазами. По случаю летней жары он был облачен в белые брюки и рубашку с короткими рукавами, и Петру Алексеевичу разом бросилась в глаза и безупречная линия отглаженных брюк, и накачанные мышцы посетителя, и «Ролекс» на крепком запястье. «Не провинциал и не командировочный», – отметил Воронков.

Посетитель меж тем сделал нечто странное: перед тем, как войти, он вытащил ключ, торчавший у Воронкова с внешней стороны двери, вставил его изнутри и два раза провернул. Засим взял стул для посетителей, перевернул его спинкой к Воронкову и уселся на него, как на лошадь.

– Я по поводу твоей вчерашней беседы с Ивкиным, – сказал посетитель.

– Что?

– Я спрашиваю: почему тебе в полночь взбрело поговорить с Ивкиным?

– Кто вы такой? Что вам нужно? Как вы смеете мне тыкать? Здесь правительственное учреждение...

– Через полчаса после того, как ты позвонил Ивкину и попросил его приехать, тачку Ивкина расстреляли неподалеку от Суцевки.

Воронков посерел.

– Господи! Он...

– Он жив и здоров. В «мазде» был его сын, который взял машину покататься за пять минут до вашего звонка. И подружка сына. Одноклассница.

Воронков закрыл глаза и не шевелился.

– Какой ужас, – сказал он тихо. – Какой ужас...

Либо этот пожилой, невзрачный чиновник, некогда получивший, в силу безупречного классового происхождения и партийной активности, заветное для советских пилотов право летать за рубеж, был превосходным актером, либо он действительно был потрясен.

– Понимаю, – пробормотал он, – вы из милиции...

– У нас что, только милиция занимается заказными убийствами? – с непонятной чиновнику иронией спросил Сазан.

– Ах да, конечно. Вы из ФСБ. Вы, стало быть, полагаете, что наша служба как-то заинтересована...

– Почему ваша служба должна быть заинтересована в убийстве Ивкина? – немедленно спросил Сазан.

– Но это абсурд. Мы – правительственное учреждение. Мы и так его снимем. Это неизбежно, он напрасно упирается... Поверьте, этот вопрос не от меня зависит, Виталий Моисеевич хороший директор и прекрасный человек, но если уж решено, что Кагасов лучше... Я что?

– Так почему ты решил поговорить с ним поздно ночью?

– Но поймите! Это был просто дружеский разговор! У Вити были испорчены отношения с СТК, с Сергеем Станиславовичем, с Васючицем, со всеми... Я единственный, кто мог неформально поговорить с ним. Попросить его не делать глупостей...

– А он?

– Он был вне себя. Угрожал мне какими-то бандитами, кричал, что сорвет собрание...

– Долг требовал обратно...

– А?

– Ведь ты ему должен? Так? Петр Алексеевич опустил глаза.

– Да...

– Сколько?

– Когда началась вся эта перестройка, мы попытались создать charterную авиакомпанию. У Вити тогда было много денег, я взял пятьдесят тысяч. Долларов, разумеется. У нас ничего не вышло, предприятие прогорело, а тут как раз организовали Службу... Я пошел в нее – заместителем начальника управления.

– А долг?

– Витя не просил его вернуть. Его устраивало, что в Службе есть человек, который ему должен. Да и откуда я бы сейчас взял такие деньги?

Сазан внимательно посмотрел на своего собеседника. На белой его рубашке, тщательно отглаженной, но явно не новой, под мышками проступали несмываемые желтоватые пятна пота, пальцы, поросшие редкими волосками, слегка дрожали, и вся физиономия бывшего пилота была отмечена той каиновой печатью униженности и оскорбленности, которая так часто отмечает лица бедных чиновников российских федеральных учреждений. Если этот человек и брал взятки, а это наверняка, то пятьсот долларов были его потолок. Большого его подпись не стоила.

– А когда он рассорился с вашей Службой, то потребовал деньги обратно?

– Не совсем так. Но он сказал, что если его выгонят из директоров, то мне придется отдать деньги. Что это в моих интересах, чтобы он оставался в аэропорту...

– И тогда ты решил, что нанять киллера за пять штук – это дешевле, чем отдать пятьдесят штук долгу?

Лицо Воронкова стало белым, как гриб шампиньон.

– Что?

– Что слышал. Ты ему позвонил – но ты никак не рассчитывал, что он доедет до твоего дома.

– Но это абсурд! Мой телефон мог прослушиваться. Его телефон мог прослушиваться.

– Да. Мог, – сказал Сазан. – Но если бы убийцы действовали на основании подслушанного телефонного разговора, то они бы действовали после того, как разговор был подслушан. А мальчик уехал из дома до твоего звонка. Пять штук на киллера у тебя было. Пятидесяти штук для должника у тебя не было.

А проблема заключается в том, что за пять штук в Москве можно нанять только абсолютное дерьмо, которое ты и нанял. И дерьмо провалило работу, поскольку, во-первых, оно зналось в темноте, а во-вторых, эти отморозки подстрелили еще одну тачку. Мою.

Так что с тебя двадцать штук на ремонт и двадцать штук пеней и штрафов. Въехал? Через два дня позвонишь вот на эту трубку и узнаешь, куда принести деньги. Не позвонишь – я тебе наглядно объясню, какого класса должен быть киллер. Диспозиция ясная?

Воронков хватал ртом воздух.

– Я не... Не я... Сазан поднялся.

– Извини, парень, – сказал он, – но у меня такой принцип. Если мою тачку разбил не я, то за ремонт платит тот, кто ее разбил. Если это не ты, то можешь найти того, кто это сделал. Я тебя с удовольствием выслушаю. Два дня у тебя есть. И советую тебе потратить эти два дня не на поиски новых киллеров. Пуленепробиваемых людей нет, но заказ на меня стоит гораздо дороже, чем сорок штук.

На следующий день, встав пораньше. Сазан подумал было: а не явиться ли ему в Рыкове на акционерное собрание. По зрелом размышлении он эту мысль оставил.

Рыкове был едва ли не самый далекий из московских аэропортов и уж точно самый неудобный. До начала перестройки это был вообще не гражданский аэропорт, а военный. В 1991 году, ссылаясь на всеобщую конверсию и демократизацию, местное военное начальство как-то убедило власти выгородить в Рыкове полосы для коммерческих перевозок. Кое-как построили пассажирский терминал, переделав его чуть не из склада, и потому Рыково занималось большей частью среднемагистральными грузовыми перевозками. Рыково был первый аэропорт, который стал принимать частные самолеты, превратив, с помощью еврореонта, бывшую казарму в роскошный VIP-домик. Но уже через год частные птички стали гнездиться в куда более престижных Шереметьеве и Внукове, и Рыково засохло, скукожилось и ныне пребывало в коматозном состоянии необъявленного банкротства. Дорога к Рыкову была скверная, ехать было – не меньше часа (Сазан, разумеется, никогда в Рыкове-грузовом не был, но при взгляде на карту выходило так), и Сазану расхотелось гробить еще один «паджеро» на гнусной полуасфальтированной трассе, большая часть которой вдобавок пролежала через изобилующий светофорами город-спутник.

К тому же Шило, державший этот, как его – топливозаправочный, комплекс в аэропорту, мог не правильно истолковать действия своего коллеги. И принять безобидное желание посетить любительский спектакль, именуемый акционерным собранием, за намерение увести у Шиля сочащегося бабками клиента. Сазан старался не давать поводов для не правильного истолкования своих намерений.

А через час, когда Сазан сидел за завтраком на увитой плющом террасе, к нему неслышно подошел Муха.

– Ну что там? – недовольно обернулся бандит. Муха смотрел себе в ладонь, и выражение лица у Мухи было немного озадаченное, словно на ладони лежала божья коровка в полосочку или какая иная природная несообразность.

– Пули из твоей тачки выковыряли, – сказал Муха. – Полуоболочечные.

И выложил на стол прозрачный пакетик. Сазан задумчиво уставился на его содержимое.

Пули и в самом деле были полуоболочечные. Шесть долларов за штучку.

– Интересное кино, – растерянно сказал Сазан. В отличие от большинства непрофессионалов, свято уверенных в том, что основная задача войны – это положить как можно больше солдат противника, Сазан хорошо знал, что на войне ранение солдат противника всегда лучше смерти. Убитого зарывают в землю, и на этом все хлопоты кончаются. Раненого надо охранять, кормить, везти в госпиталь, тратиться на лекарства и лечение. Раненые задерживают продвижение вражеских войск и истощают вражеский бюджет. Поэтому стандартные пули, которыми стреляет автомат Калашникова и любая другая машинка для убийства, имеют твердую оболочку. При беспорядочном огне такая пуля ранит со вдвое большей вероятностью, нежели убивает.

Другое дело – террористы и киллеры. Им нужен не раненый противник, а противник убитый. Поэтому профессиональные убийцы предпочитают полуоболочечные пули с мягкой цинковой оберткой, которая разрывается от контакта с телом и может сделать смертельной любую рану. В сущности, степень профессионализма покушения почти всегда определяется именно этим фактом: стрелял ли убийца стандартными армейскими маслинами или купил на рынке полуоболочечные пули по шесть долларов за штучку.

– Интересное кино, – растерянно повторил он, – стреляли они, словно анаши обкурившись, а маслины у них высококачественные...

Сазан не подозревал, насколько он в этот момент был близок к истине

– А они точно плохо стреляли? – с сомнением спросил Муха.

– Да хуже свињи! Целились в «мазду», а попали в «паджеро»! У них что, заказ на все японские тачки?

– Но ведь они бы загасили парнишку, если б не ты.

– Начнем с того, что профессионал бы увидел, что это не тот клиент, которого заказали. А так у них словно мозги от страха перегорели... Что там этот фраер – Воронков?

– Никак. Дома жену пользуется.

За час до посещения Сазана, пока Воронков ходил обедать, неизвестные лица, навестившие кабинет зам, начальника отдела, подселили ему в телефон «клопа». По расчетам Сазана, первое, что Воронков должен был сделать после его ухода, – это броситься звонить посреднику или самому киллеру (по глупости исполнения нельзя было исключить, что никакого профессионального посредника между Воронковым и киллером не было, а был, как это порой случается в безумной нашей эпохе, обыкновенный найм за гроши). Это – если Воронков виновен. Если же он ни при чем, то, скорее всего, он бросится звонить человеку, который подал ему идею позвать Ивкина домой.

Но Воронков не сделал ни того, ни другого. На беду Сазана, сразу после жуткой дневной встречи Воронкова вызвали к начальству – он ушел и не появлялся в кабинете два часа. Один из людей Нестеренко, болтавшийся по коридорам якобы в поисках работника, ушедшего из Службы неделю назад, ненавязчиво следил за перемещениями Воронкова. Тот ходил по кабинетам, как заводной и с потерянным выражением лица.

– Наверное, он позвонил из другого кабинета, – предположил Муха.

– Ага. Извинился, снял при сослуживце трубку и: «Извини, Гоша, срочный базар есть. Я тут одного фраерка заказывал, а ты вместо него его сына чуть не замочил. Подгребай в „Соловей“ к шести». Так, что ли?

Муха поскреб в затылке.

– Чует мое сердце. Муха, – сказал Сазан, – что Воронков все-таки к кому-то побежал, и этот кто-то был тот, кто присоветовал ему позвать домой нашего авиадиректора. И сидел этот кто-то в том же здании, что Воронков, и может, даже на том же этаже...

Поднялся и закончил:

– Непонятная эта история. Муха. Нету у Воронкова бабок на полуоболочечные маслины. А те, у кого есть такие бабки, не будут нанимать первокурсников для стрельбы...

А поздно вечером, когда Валерий Нестеренко заехал в любимое казино «Соловей», кто-то тронул его за плечо. Нестеренко обернулся и узнал Александра Шилова по кличке Шило. Валерий давно не видал авторитета и даже испугался, как тот изменился: глаза Шила были налиты кровью, зрачки сузились до размеров охотничьей дробин, и отечное лицо поросло двухдневной щетиной. За спиной Шила маячили два дуболома.

– Привет, Валерка, – сказал Шило с упорной сосредоточенностью человека, который совсем не трезв, но пытается изо всех сил выглядеть трезвым. – Там Миша Ивкин очень тобой интересовался. Большое ты на него впечатление произвел. Ты учти...

– Я что? – мирно сказал Нестеренко. – Качу себе мимо эмблемы «Мосфильма», вдруг свист, грохот, «мазда» передо мной улетает в кювет, задрав хвост, аки пикирующий бомбар-

дировщик, мне тоже попало... Ну не люблю я, когда кто-то себя с охотником перепутал, а мою тачку – с перепелкой. Нервный я... Ты бы на моем месте иначе поступил? Налитые кровью глаза Шила страшно блеснули.

– Там Ивкин чего-то хвостом крутит, – прохрипел он, – ты ему услуги свои предлагал?

– Я нефтью не занимаюсь, – ответил Сазан. – И заниматься не хочу.

– Нефть, она как Шарон Стоун, – сказал, ухмыляясь, Шило, – ее все хотят, да не все получают.

– Фильтруй базар. Шило!

Авторитет пробормотал что-то сквозь зубы.

Сазану эта встреча нравилась все меньше и меньше: авторитет был явно под кайфом, адекватно реальности не воспринимал и вдобавок демонстрировал все причитающиеся симптомы близкого нервного срыва.

– Имей в виду, – сказал Сазан, – пули были полубололочные.

– А стреляли хреново?

– Стреляли хреново. Концы с концами не сходятся.

– В этом деле вообще концы с концами не сходятся, – хрипло сказал Шило.

Он повернулся и пошел к игральным столам. Два дуболома в малиновых пиджаках послушно следовали за ним, как два танкера на буксире у щуплой баржи.

Два дня Нестеренко не было в Москве. Месяц назад одна из подотчетных ему фирм потеряла полмиллиона баксов: продала товар, а в оплату получила векселя...ского металлургического завода. А когда люди из фирмы поехали на завод отоваривать векселя сталью, то им сказали, что векселя фальшивые и что они уже не первые на этого мошенника попались.

В ментовке к проблемам подвластной Сазану фирмы отнеслись крайне прохладно и первым делом позвали смежников из налоговой – проверить, правильно ли оформлены акты покупки-продажи, так что уже спустя час после начала расследования в фирме не знали, куда деться, и еле отвертелись, заплатив ментам и налоговикам пусть не столько же, сколько мошеннику, но все равно чувствительную сумму.

После этого фирма пошла с покаянным плачем к своей «крыше».

Сазан и московское представительство завода, недолго думая, хлопнули в газете объявление о том, что меняют сахар и нефть на векселя...ского металлургического завода, и мошенник, у которого еще оставалось поддельных векселей миллионов на двадцать, вскоре заглотил наживку вместе с крючком и леской. Спустя два дня директор фирмы опознал мошенника в человеке, пришедшем в контору Сазана с горячим желанием меняться товарами. Тот тоже что-то сообразил и кинулся наутек. Поймали его аж в Хабаровске; там же, в Хабаровске, арендовали у знакомых подвальчик и держали парня в подвальчике до тех пор, пока тот не выплюнул все бабки, которые заглотил, и столько же, украденного у других, сверху – бандитам за труды.

Сазан выбралил подопечную фирму за то, что она обращалась в ментовку, вернул ей причитающуюся долю бабок и вылетел в Москву.

Воротившись, Нестеренко набрал домашний номер Ивкина. Трубка ответила ломким мальчишеским голосом.

– Привет, Миш, ты? – спросил Сазан. – Это Нестеренко, если помнишь такого. Как здоровье?

– Ничего, – сказал Миша, – рука в люльке, а все остальное нормально. Помните, вы сказали, что у меня ребра сломаны? А оно не сломанное, только треснутое. Жалко, что сейчас лето.

– Что? – не понял Сазан.

– Вот было бы здорово, если бы я навернулся в сентябре, – объяснил Миша, – в школу не надо было ходить. А так каникулы пропадают.

– Да, – согласился после некоторой паузы Нестеренко, – это было бы лучше, если бы в школу ходить было не надо. Позови отца.

– Его нету.

– А. Ну ладно. Как прошло собрание?"

– Оно не состоялось.

– Как не состоялось? – изумился Валерий.

– Доверенность, с которой пришла СТК, была недействительной, – сообщил Миша. – Правда, Валерий Игоревич, я в этих делах не разбираюсь. Я только знаю, что собрание отменено и отец по-прежнему директор.

– Ну бывай, – сказал Сазан.

– Валерий Игоревич!

– Что?

Трубка помолчала.

– Нет, это я так... – проговорил мальчик, – можно я вам потом перезвоню, Валерий Игоревич?

– Перезванивай.

Не вешая трубку, Валерий тут же набрал другой номер, поговорил минут пятнадцать и вышел из дома.

Спустя час его машина остановилась у небольшого уютного особнячка в центре Москвы. У двери особнячка золотом по черному теснилась витиеватая надпись: «Межинвестбанк». С председателем правления банка, Александром Шакуровым, Валерия связывала школьная дружба, в ходе перестройки плавно перешедшая в иные, несколько менее приятные для Шакурова отношения.

Председатель правления – веселый и стремительно полнеющий от оседлой жизни молодой человек – поднялся навстречу дорогому гостю. Коньяк был отвергнут, а чай, принесенный кокетливой секретаршей, распит с великим удовольствием.

Шакуров минут двадцать толковал с гостем, дивясь про себя, что тому надо каждую встречу на протяжении вот уже пяти лет – объяснять словосочетание «ставка рефинансирования». Потом Сазан спросил:

– Ты выяснил, что я тебя просил – насчет собрания?

– Да. Оно просто не состоялось. Доверенность, выданную Службе транспортного контроля, признали недействительной. – Не понимаю, что значит – «недействительной»? Они ее что, в израильском посольстве оформляли? В ЖЭКе? В борделе? Как можно быть таким олухом царя небесного, чтобы не правильно оформить доверенность на ключевое собрание?

– Валер, это все тебе неинтересно. Понимаешь, если ты генеральный директор и есть сторонний акционер, который хочет тебя снять, то у тебя есть тысяча и один способ не пустить акционера на предприятие. Самый простой – признать недействительной доверенность для голосования, выданную представителю акционера. Под любым предлогом. Сказать, что в доверенности не указана прописка представителя. Или количество детей. Или цвет его носок.

– Не дошло.

– Валер, это все скучно, нудно и полно дыр, как все российское законодательство. Если говорить очень грубо – то доверенности проверяет мандатная комиссия, а мандатная комиссия утверждается предыдущим собранием, а предыдущее собрание – это действующий директор.

Нестеренко замахал руками.

– Все, хватит, убедил. Вопрос простой: значит, Ивкин может оставаться генеральным директором до посинения, как бы государству не хотелось его снять?

– Примерно так.

– То есть в этих условиях самое простое для СТК – это завалить Ивкина? Или по крайней мере запугать его так, чтобы в следующий раз он не распускал хвост?

Шакуров подумал.

– В общем да, – сказал он. Помолчал и добавил:

– Только ты извини, у тебя какой-то упрощенный взгляд на вещи. Это же все-таки правительственная контора... Ну, загорелось ей снять Ивкина. Мало, допустим, взятки давал. Другой обещает больше.

Ну какие деньги с этого аэродрома? Это ж, прости меня, луг заасфальтированный. Убрать этого Ивкина больше бабок стоит, чем квартал взятка с Рыкова. Неэкономично. Если бы они из-за Шереметьева грызлись...

– А над Шереметьевым эта контора тоже командует?

– Эта? Комитет по приготовлению щей? Да Шереметьевские ребята их тут же схарчат и не заметят...

Сазан открыл было рот, но тут в кармане зачирикал мобильник.

– Да?

– Валерий Игоревич? – Сазан узнал голос Миши Ивкина, – Валерий Игоревич, вы могли бы приехать в аэропорт? Сейчас.

– А что такое?

Трубку аккуратно повесили.

– Что-то случилось? – спросил Шакуров.

– Да. Кажется, комитет по приготовлению щей пересолил свою стряпню. И зачем я ввязываюсь в это дело?

Через час Сазан миновал последний указатель с надписью: «Рыкове» и свернул с убогого двухрядного шоссе на истрепанную до полного изумления пригородную улицу.

В течение этого часа Сазан тщетно звонил и домой Ивкину, где трубку неизменно брала глухая и придурковатая старуха, видимо, бабушка Миши, и в сам аэропорт, где телефоны не отвечали на звонки или были заняты.

Дорога была действительно премерзкая. С одной стороны разбитого и пыльного шоссе тянулся бетонный белый забор, над которым чахли хвосты одиноких грузовых «АНов», с другой стороны разделенные квелой зеленью и приземистым лабиринтом гаражей к дороге сбегались белые панельные дома.

У развилки торчал указатель «Рыкове», и под указателем был нарисован маленький стилизованный самолет. Указатель показывал направо. Налево, чуть наискось от железнодорожной станции, у одного из панельных домов, стояла куча «синеглазок», пожарная машина, желто-красная «скорая помощь» и здоровенный «Икарус» с тщательно занавешенными окнами.

Цепь крепких ребят в камуфляже оттесняла от дома необъятную толпу.

Валерий запарковал машину под указателем, пересек дорогу и подошел к небольшому рынку, стихийно образовавшемуся у станции. Торговки возбужденно переговаривались и все, как одна, смотрели не на свой товар, а в сторону панельного дома. Сазан заплатил за килограмм винограда и спросил

Продавщицу:

– Что там стряслось-то? Эх сколько понаехало...

– Бандажа убили, – авторитетно сообщила бабка.

– Это кого же?

– Шило.

Сазан обернулся. За ним, блестя грустными еврейскими глазами, стоял Миша Ивкин. Рука его была аккуратно подвешена в белой люльке.

Смерть Алексея Шилова по прозвищу Шило была, как выяснилось впоследствии, результатом глупейшего и неожиданного стечения обстоятельств.

Обстоятельства эти начали сплетаться в невидимую петлю еще накануне, когда для ежегодной международной выставки вертолетной техники на соседний военный аэродром стали слетаться новейшие «Камовы» и «Мили».

В связи с этим достославным событием начальник воинской части номер сто двадцать семь, хозяин соседнего аэродрома Рыково-2, генерал-лейтенант Анастасий Павлович Сергеев отрядил наряды солдат – контролировать подступы к Рыкову и проверять приближающиеся к городу автомобили на предмет наличия в них иностранных шпионов и диверсантов.

Ход генеральской мысли проследить было довольно трудно, так как, еще раз повторим, речь шла о международной выставке. То ли генерал боялся, что иностранные шпионы увидят продукцию фирмы Камова на день раньше или, еще чего доброго, пролезут поверх бетонной ограды, сэкономив таким образом на билете, то ли, в виду ожесточенной конкуренции между отечественными и иностранными производителями вертолетов, кто-то из участников выставки учинит диверсию против конкурента.

Не исключено также, что реальной движущей силой приказа были несколько офицеров, которые надеялись пополнить скудный семейный бюджет, остановив на дороге парочку трейлеров, следующих куда не надо без особых на то сопроводительных документов.

Так или иначе, приказ был издан, и в результате его недалеко от съезда с Алтыньевского шоссе обосновался военный пост в лице двух салабонов в бронежилетах и с «Калашниковыми» и прапорщика.

Понятное дело, что из легковушек служивые останавливали в основном иномарки – не потому, впрочем, что подозревали в их водителях иностранных шпионов, а потому, что не без основания полагали, что вероятность того, что владелец иномарки обладает всеми необходимыми для вождения документами, много ниже средней, а вероятность того, что в кошельке его завалялись лишние сто баксов, – напротив, много выше средней. Было уже около полудня, когда на траверсе поста возникло дивное видение: серебристый шестисотый «мере», управляемый не кем иным, как Алексеем Шиловым по кличке Шило, – вопреки известной аксиоме о том, что если в «мерее» едет один человек, то этот человек – шофер. По каким-то своим делам Шило в полном одиночестве пылил в аэропорт. Прапорщик радостно взмахнул жезлом, и Шило остановился.

Дальнейшую картину событий восстановить было непросто. То ли прапорщик заметил под мышкой у Шилов пушку, которую тот не особенно прятал в подвластном ему районе, то ли истрепанные наркотиками нервы авторитета просто не выдержали вида непонятных людей с автоматами, и он вообразил в них омововскую засаду, а только когда солдат-первогодок подошел к водителю и вежливо попросил у него права, Шило выхватил из-под мышки «ТТ», всадил две маслины поверх броники прямо в изумленное лицо салабона и ударил по газам.

К чести солдат следует сказать, что они не растерялись. Прапорщик и первогодок попрыгали в «Жигули» и бросились в погоню. На их счастье, дорога в этом месте была настолько гнусна, что колдобины не позволяли «мерсу» с низкой посадкой показать всю свою прыть и легко оторваться от антикварной колываги, изготовленной Волжским автозаводом аж в 1973

году. Однако та же самая причина – невероятные фигуры высшего пилотажа, отплясываемые обеими машинами посреди асфальтовых рытвин, – помешала обоим сторонам хоть сколько-нибудь существенно продырявить друг друга. Энное количество пуль, выпущенное из двух автоматов и одного «ТТ», посбивало ветки с окрестных деревьев и оставило отметины на бетонной стене аэродрома, а одна, особо отличившаяся маслина разбила стекло на первом этаже и на излете угодила в кипящую кастрюлю с борщом, до смерти напугав стряпуху.

Шило бросил «мере» у одного из панельных домов, прошмыгнул дворами и затворился в квартире. Как выяснилось впоследствии, это была квартира его бывшей любовницы, и ничего удивительного в том, что ему открыли, не было.

Тем временем в квартал прибыли вызванные по радиации подкрепления в лице СОБРа. Ребятки в крокодильем камуфляже оцепили квартал и вычислили укрывшегося Шила в два счета – слишком много старушек на лавочках видели, куда он побежал.

Старушек с территории боевых действий убрали, а Шилу закричали, чтобы он сдавался. В ответ Шило потребовал вертолет, два грамма героина и все причитающиеся по случаю аксессуаров, угрожая в противном случае убить двух бывших при нем заложниц. Заложницы (любовница и ее мать) громким плачем подтвердили серьезность его намерений.

Собровцы намылились уже было ломать дверь в квартиру, уповав на то, что Шило расстрелял по крайней мере две обоймы во время автомобильного кросса и вряд ли имеет при себе еще, когда Шило, высунувшись из окна, обдал дворик автоматной очередью. Впоследствии выяснилось, что Шило держал в квартире любовницы небольшую партию оружия, видимо, предназначенную для перепродажи.

После этого Шило препирался с переговорщиками под дверью часа полтора, время от времени постреливая для остротки в потолок. Судя по текстам, которые он выдавал, «крыша» у бандита поехала окончательно – то ли от дури, то ли от нервного срыва.

Штурм начался в 3.15 и продолжался ровно три минуты. В Шило попало не меньше десятка пуль. Обе заложницы также погибли – говорили, что Шило застрелил их еще до начала штурма.

Сазан, вызванный директорским сыном в самом начале заварушки, поспел к шапочному разбору. Протолкавшись вместе с Мишкой сквозь толпу потрясенных соседок, он еще успел увидеть носилки, покрытые белой простыней, и свесившуюся с них кисть руки с толстым золотым кольцом на среднем пальце. Потом кто-то из собровцев в маске стянул с пальца гайку, носилки затолкнули в «скорую», и она медленно тронулась, оглашая окрестности душераздирающим воем сирены.

Аэродром Рыково остался без «крыши».

В половине пятого вечера Сазан с Мишей Ивкиным подъехали к зданию аэровокзала и поднялись на второй этаж, туда, где за матовой дверью, перегородженной железной решеточкой, изнывали по летней жаре работники предприятия «Рыково-АВИА».

В стенах фирмы царил подобающий случаю переполох. Директор Ивкин сидел в своем кабинете в том самом виде, про который говорят: «На нем лица нет». Галстука на директоре не было тоже.

Он торчал из-за необъятного Т-образного стола, как крошечная «сессна» на взлетной полосе, пригодной для аэробуса. Наискосок от него, в синей форменной рубашке и полотняных брюках, сидел еще один человек, видимо, заместитель или иной подчиненный.

– Ну так как? – спросил Сазан. – Кто стоит за Кагасовым? Почему СТК заказала тебя? Кто они такие, чтобы замочить Шило?

Директор только пучил безумные глаза.

– Что вы несете, – внезапно возмутился заместитель, – при чем тут Шило? Это просто трагическое совпадение! И вообще – кто вы такой?

– Конечно, совпадение, – усмехнулся Сазан, сначала в тачку директора палят из «калаша», на следующий день он спускает в унитаз доверенность СТК, а еще через день аэропорт лишается «крыши»! Три бомбы в одну воронку! Правильно мне говорил Шило, что в этом деле одни несообразности!

Дверь кабинета распахнулась, и в ней показалась целая куча народа. Первым стоял молодой еще парень. Водоизмещением парень мог поспорить с небольшой шхуной и возвышался над Валерием Нестеренко по крайней мере на голову. Бугорчатые плечи размером с колесо «БелАЗа» венчала цилиндрикообразная голова с глазками-пуговками.

– Ты кто такой? – спросил парень. Нестеренко прищурился:

– Мы встречались. У Рябого.

Сазан не помнил ни погоняла парня, ни имени, помнил только, что год назад он был одним из помощников Шиля. Один его вид наводил ужас на кредиторов: и те из них, кто получил классическое образование, при виде парня немедленно вспоминали о славных плодах брака Урана и Геи, сторуких и пятидесятиглавых гекатонхейрах. Те же, кто про гекатонхейров ничего не знал, зато смотрел фильм про Терминатора, немедленно вспоминали наиболее впечатляющие кадры из фильма. Впрочем, и те и другие сходились в одном – количество мозгов в голове у циклопа было явно обратно пропорционально количеству мускулов.

– Вспомнил, – сказал простой российский Полифем. – Ты что здесь ловишь, рыба Сазан? Это мой пруд, понял? Плыви в другое место.

– Твой? Я думал, это местечко Шиля.

– Шило – покойник. Это моя делянка, понял?

– Глубокое наблюдение, – согласился Сазан, – раньше аэропорт принадлежал Шилу, но теперь он покойник, и аэропорт принадлежит тебе. Это как, завещанием оформлено, или мэр здешний издал соответствующее распоряжение?

Сразу несколько человек, вошедших в кабинет вслед за преемником Шиля, резко вздохнули. Тон Сазана и интонация, с которой была произнесена фраза: «Но теперь он покойник», не оставляли сомнения в том, что имел в виду залетный бандит:

По меньшей мере он намекал, что новоявленному рыковскому царьку смерть его предшественника была выгодна.

– Ты что брешешь? – начал парень. Сазан внезапно вспомнил его кличку, весьма, надо сказать, конгруэнтную, – Голем, – да я тебя...

Он двинулся к Сазану, и паркет под ним угрожающе крикнул. Видимо, грузоподъемность паркета была сильно ограничена.

– Нет! Не в моем кабинете!

Это кричал Ивкин. Покрасневший, грузный, он поднялся из кресла и теперь стоял, растерянно опираясь на необъятный простор стола. Толстые, как сосиски, пальцы скребли по полированной поверхности.

Голем обернулся куда стремительнее, чем можно было ожидать, глядя на его габариты.

– А ты молчи, чмо летучее! – рявкнул он. – Расчирикался, козел!

Директор сделался красным, как помидор. Ресницы его дрогнули, раз, другой.

– Пожалуйста, Валерий Игоревич, – умоляющим голосом произнес он. – Я вам очень благодарен за то, что вы сделали для моего сына, но я вас прошу не вмешиваться...

Сазан был в глубине души безмерно признателен Ивкину. «Чмо» и «козел», которым только что наградил директора его новый опекун, явно предназначались Сазану; и, если бы эти слова были произнесены, у Сазана не было бы другой возможности, как требовать от Голема причитающейся за такие слова сатисфакции. Но благодаря неожиданному вмешательству директора глотка Голема, уже заряженная бранью, стрельнула в другом направлении.

– А я и не собирался вмешиваться, – сказал Сазан. – У меня, знаете ли, еще крыша не съехала, чтобы лезть поперек людей, которые могут устроить то, что сегодня устроили с Шилом. Так что я с удовольствием понаблюдаю за спектаклем из партера.

Развел руками и пошел к выходу из кабинета. Спутники Голема молча потеснились, пропуская откланявшегося визитера

У самых створок двери Сазан обернулся.

– И кстати, – добавил он, – за то время, пока я здесь торчу, я, кажется, слышал шум самолета два раза. Не знаю, как вы с такими оборотами еще на уборке кабинета не разорились. Я, конечно, не прочь поиграть своей головой, но играть головой из-за двух копеек – это, извините, не по адресу.

А ночью Валерия Нестеренко разбудил телефонный звонок.

– Это Миша Ивкин, – сообщила трубка.

– Слушай, парень, ты меня достал. Какого хрена я тебя вытащил из тачки...

– Валерий Игоревич, у папы инфаркт.

Сазан на мгновение прикрыл глаза.

– Я не врач, – услышал он свой голос, – у меня другая профессия.

– Валерий Игоревич, я сейчас в больнице. Голем меня выгоняет. Я вас прошу – пришлите своих людей.

– Тебе передали, что я утром сказал? Что я не рискую головой за минимальную заработную плату.

– Они убьют папу! – закричал мальчик. – Они все продались! Все! И Голем, и Глуза! Господи, ну если бы человек на дороге лежал и умирал, неужели бы вы к нему не подошли?

Сазан не знал, чем в конце концов достал его этот школьник. Наверное, детским «папа» вместо взрослого «отец». У Валерия Нестеренко никогда не было отца, и он не желал другим детям такого детства, как у него.

Впрочем, в глубине души Сазан не мог не подумать и еще об одной вещи. Несоответствие между масштабами происходящих на аэродроме разборок и жалкими крохами, которые он приносил как предприятие, слишком бросалось в глаза. Стало быть, была тут какая-то кормушка, которую Сазан пока не разглядел и которая могла бы и ему пригодиться?

– В какой больнице лежит отец? – спросил Сазан. И, получив ответ, хмуро добавил:

– Никуда не отлучайся из палаты, ясно? Даже в сортир.

Спустя два часа злой и невыспавшийся Сазан стоял посреди больничной палаты районной рыковской больницы. Палата была двухместная, но больной лежал в ней один. На другой койке, взявшись за руки, сидели Миша и Лера. Девочка была одета в кокетливые черные брючки и черный же топик, тесно охватывавший маленькие острые грудки. Между брючками и топиком белело тонкое девичье тело.

У дверей палаты между людьми Сазана и людьми покойного Шида произошло мелкое разбирательство, которое, собственно, и ссорой-то трудно было назвать. Благо с Сазаном приехала добрая дюжина отборных качков, а партию Шида в больнице представлял один человек.

Ему намекнули, что в услугах его больной не нуждается, и ввиду численного превосходства противника он воспринял намек чрезвычайно мирно, тут же собрал свои вещички и в полном порядке произвел ретираду. Впрочем, Сазан не обольщался на этот счет: он был уверен, что в ближайшие дни его ожидает грандиозная разборка с Големом, и хорошо, если все утрясется без стрельбы.

Завидев Нестеренко, дети бросились к нему – так, словно в палату вошел не бандит, а Дед Мороз. Сазан вполголоса расставил своих людей по местам, отвел девочку в сторону и сказал:

– Все, Лерочка, спасибо. Тебя сейчас отвезут домой. Хочешь домой? Девочка сонно кивнула.

– И еще одно, – сказал Сазан, – больше так перед моими людьми не одевайся.

– Что?

Сазан медленно и как можно более выразительно обвел детскую фигурку взглядом, задержался на обнаженном, покрытом персиковыми волосиками пупке.

– Перед – моими – парнями – так – не одевайся. И перед парнями Голема. Объяснять дальше?

– Не надо, – сказала, сглотнув, девочка.

Габариты «вольво», увозящего Леру, мелькнули и растаяли в темноте, как два красных уголька. Сазан обернулся от раскрытого окна.

– Ты, герой, – спросил он в упор, – зачем девочку сюда вывез?

– Я думал – они не решатся при Лере, – сказал Мишка.

– Ты что, телевизор не смотришь? – усмехнулся Сазан. – Ладно, отцелюбивое чадо, пойдем. Базар есть.

Они отыскиали на втором этаже ординаторскую, позаимствовали у ночной нянечки ключи и разместились друг против друга за маленьким, покрытым рваной полиэтиленовой пленкой столом. В больнице удушающе пахло лекарствами и канализацией: два дня назад на первом этаже лопнули трубы, и никто их не чинил: денег не было.

– Рассказывай, – сказал Сазан.

– Что?

– Знаешь, я четвертый день вожусь с этим аэродромом. Он мне скоро сниться начнет. Но я ни черта не знаю, кроме того, что так не бывает. Что ваш паршивый аэродром не стоит тех бабок, которые были выплачены за Шило.

– Вы думаете. Шило...

– Я не верю в совпадения. Если на меня свалился кирпич, я всегда поднимусь и посмотрю, кто там стоял на крыше.

– Но милиция... Она же будет этим заниматься...

– Она не будет этим заниматься, – сказал Сазан. – То, чем ментовка иногда занимается, довольно, впрочем, безуспешно, – это раскрытие совершенных преступлений. Сегодня, если ты не заметил, никакого преступления места не имело. Имело место задержание вооруженного преступника. Человека убили на глазах у всех и совершенно законно, а заодно пристрелили двух баб, которым он что-то мог рассказать.

– Но говорят, что он сам...

– Взял в заложники свою любовницу, да? Замечательно звучит. Просто музыка для глухого прокурора. Хочешь я тебя научу, как это делается? Берешь волюну покойника, аккумуля-

ненько, перчаточками, и стреляешь в баб. И потом кладешь волюну обратно рядом с покойником.

Мальчик опустил глаза.

– Шило... он был очень неуравновешенным человеком. В последнее время.

– Я его видел позавчера. Он совершенно слетел с катушек. Не думаю, что из воров кто-то усомнится, что Шило мог вытащить волюну и шмальнуть в постового ни с того ни с сего. Это-то меня и пугает. Если бы эти товарищи втерли очки только посторонней публике: знаешь, это бывает, когда задерживают вора и кладут ему в карман дурь, а все смеются, потому что этот человек сроду ничего крепче кефира не употреблял... А здесь вся история сработана с запасом прочности. Очень бы хотелось перетолковать со сценаристом. И очень бы не хотелось оказаться персонажем новой постановки... Сазан помолчал.

– Так ты можешь объяснить мне, что у вас происходит? Потому что, извини, не бывает так, что людей мочат, а почему – неизвестно. В Америке, может, и бывает. А в России нет.

– Я не все знаю, Валерий Игоревич. Но есть такая штука – «Петра-АВИА».

– Ну?

– Понимаете, треть стоимости полета – это топливо. А топливозаправочный комплекс – это монополист.

– Что значит монополист?

– Ну вы же не будете самолет по бензозаправкам возить? На каждом аэродроме есть ТЗК. И он есть в единственном экземпляре. Второго ТЗК аэродрому просто не надо, особенно если он маленький.

– Ну?

– А поскольку заправка – это монополия, ее должно регулировать государство.

– В лице Службы транспортного контроля?

– Да. И вот они подумали и написали постановление, что, в целях оптимизации цены на топливо, улучшения расчетов, повышения качества обслуживания пассажиров и прочая и прочая, все ТЗК передаются новому акционерному обществу «Петра-АВИА».

– А кому принадлежит «Петра-АВИА»?

– Ну, сейчас оно государственное. А через годик, глядишь, приватизируется.

– А возглавляет кто?

– Сын Васючица. Замглавы СТК. Вот такую они кормушку себе придумали. Сазан помолчал.

– Ты понимаешь, Миш, что все ТЗК России контролируются... моими коллегами? И если этот ваш комитет по варке борща вздумал захватить треть денег за авиаперевозки, так он не для себя старается. Это же все-таки не ФСБ, рылом они не вышли наезжать на воров в законе. То есть кто-то стоит за их спиной и заказывает музыку.

Миша пожал плечами.

– Не знаю, – пробормотал он, – я так не слышал, чтобы там был кто-то, кроме чиновников.

– И много им заправок передали?

– По всей России – кое-кто передал. Вон, Кагасов передал, в Еремеевке.

– Это которого вместо твоего отца прочат?

– Да. В Ярославле передали, в Осетии. А из московских аэропортов мы первые, потому что самые маленькие. Если нас съест, то можно потом и на Внуково наехать, и на Шереметьево...

Сазан внезапно вспомнил надпись: «Петра-АВИА» в конце коридора, вышколенного охранника и евремонт.

– И какие у вас на сегодняшний день отношения с «Петрой»?

– Отец подписал с ними контракт. Сазан даже подскочил.

– Отдал емкости в аренду за десять тысяч рублей. В год.

– За сколько?

– За десять тысяч рублей. Новыми.

– Недорого.

– Как заставили.

– И какого хрена им еще надо?

– Там в контракте было оговорено, что другие поставщики тоже имеют право хранить свое топливо в их емкостях. Ну, Шило и хранил.

– Ага! То есть топливо было их, а вы покупали у Шила?

– У Шила дешевле. Над ними вся Москва смеялась.

Сазан про себя подумал, что даже будь у Шила топливо вдвое дороже, аэропорт все равно бы покупал топливо у своей «крыши», а не у чужих дядей.

– То есть отец твой попал. Либо собственная «крыша» замочит, либо чиновники снимут.

– Да.

Сазан подумал. В общем-то ситуация прояснялась. Контроль над авиационным углеводородом было дело довольно прибыльное, а главное – перспективное. Мочить Ивкина за право продавать несколько десятков тонн керосина затрапезному аэропорту Рыкове, возможно, и не стоило. Но если рассматривать завоевание Рыкова как первый этап перед завоеванием, скажем, Шереметьева, то все вставало на свои места. И меры, принятые по отношению к Ивкину и к Шилу, должны были отбить охоту к сопротивлению у будущих жертв, отнюдь не склонных подставлять правую щеку, когда по левой влепят из гранатомета.

Следовало думать, что за инициативой СТК стоит кто-то большой: либо крупный авторитет, либо нефтяная компания. Последнее было даже куда вероятней. Авторитету снюхаться с правительственной службой все же труднее, чем бизнесмену в законе. А вот нефтяная компания таким образом может вполне затеять передел рынка и пролезть сквозь рукава топливо-заправочных комплексов на территории, доселе контролируемые соперниками.

Оставалось только выяснить, каким именно образом нефтяная компания нашла общий язык с устроителями международной выставки авиационной техники, вертолетчиками и остановившим Шило военным патрулем. И почему высокопрофессиональные товарищи, вооруженные полуоболочечными пулями, стреляли с точностью пьяного зенитчика, сажающего из допотопной «Двины» по новейшему «Фантому».

Да, все сходилось. Плохо было одно: Сазану-то никакого контроля над третью российского авиабизнеса не светило. Ввязавшись в драку против неопознанного нефтяного гиганта с огромными надводными и подводными полномочиями, в случае проигрыша он терял жизнь. А в случае выигрыша получал разбитое корыто с двумя поросшими травкой взлетно-посадочными полосами. К тому же выигрыш был крайне сомнителен.

– Ладно, Миша, – сказал Валерий, подымаясь, – поехали домой.

– Вы поможете папе?

– А куда же я теперь денусь? – с искренним сожалением сказал бандит.

Отправив домой детей. Сазан подозвал к себе своего зама Муху и дал ему четкие инструкции на завтра.

– Слушай сюда, – сказал Нестеренко. – Первое – узнаешь все о солдатах из этого наряда, который остановил Шило. Как зовут, где оттягиваются и какого цвета у них подштанники. Второе – когда все успокоится, пошлешь ребят к тому дому, где завалили Шило, и всех свидетелей штурма подробно опросишь.

Третье – этот чиновник, Воронков, по дороге к которому должны были расстрелять Ивкина, – о нем чего-то выяснили?

– Ничего особенного. Дачный участок у него по Ярославскому шоссе, довольно скромный, получил еще в семидесятых. Недавно купил квартиру в Медведкове, квартира двухкомнатная, живет с матерью и падчерицей. Денег немного, чтоб купить жилье, продал тачку. Сазан кивнул. Сказанное подтверждало его первое впечатление от Воронкова: обыкновенный чиновник, клюет, где может, на зарплату в сто долларов в месяц квартиры не купишь, даже в Богом забытом Медведкове, однако по рангу большой кусок ему не полагается, иначе не стал бы продавать машины...

– Глаз с него не спускайте, – велел Сазан, – по полной программе. И четвертое – первый зам Ивкина, Алексей Глуза. Они вместе были у Воронкова. Мне нужно на него полное досье.

– Только на него?

– На всех остальных замов тоже.

Сазан не стал уезжать из больницы. Тратить полночи на дорогу было глупо, а уезжать с места боевых действий – опасно. Ему отыскивали какую-то свободную палату, и бандит, не раздеваясь, лег на жесткую сетку, прикрытую одним дырявым матрасом. Ребята Сазана пошли отыскать для шефа хоть простыню, но простыни не оказалось – больница была бедная, белья не было, и первое, что сделала нянечка, когда ее отыскал Муха, – без стеснения совести попросила бандюков отремонтировать засорившийся унитаз. Муха так опешил, что чуть не выполнил просьбу.

Спустя полчаса в дверь палаты заскреблись. Сазан спустил ствол с предохранителя и открыл дверь – но это был только Миша Ивкин с огромным мешком за спиной.

– Вот, – сказал Миша, – из дома белье взял. А то в больнице своего нет.

Сазан сунул ствол обратно за пояс.

– Отец твой налогов не платит, вот и нет белья, – сказал он.

Из огромного мешка были извлечены две пышные подушки, две простыни и украшенный синими розами пододеяльник. Засим последовал еще один пододеяльник, на этот раз белый с желтыми полосами.

– Э-э! Ты что делаешь? – запротестовал Сазан, когда увидел, что Миша, кое-как управляясь одной рукой, застилает вторую кровать, у окна.

– Я тоже сплю здесь, – ответил Ивкин. – Отец здесь, и я здесь.

Спустя пять минут свет в палате опять потух. Пододеяльник с розами шуршал и приятно пах свежим бельем. В раскрытое окно палаты был виден кусочек аэродрома и взлетная полоса, обозначенная загадочными красными огоньками. Снизу доносились мужские голоса и женский смех – пацаны Сазана обхаживали молодую санитарочку.

– Как у твоего отца отношения с городским начальством? – спросил Сазан.

– Хорошие. У нас ресторан есть – видели, наверное, рядом с аэровокзалом?

Сазан вспомнил теремок-новостройку справа от небольшого здания вокзала.

– Они там частенько ужинают – и мэр города, и прокурор.

– Это хорошо, что прокурор ужинает, – одобрил Сазан.

Он перевернулся на другой бок, попробовал, удобно ли лежит ствол под подушкой, и мгновенно заснул.

Глава 3

Когда Сазан проснулся, было уже девять часов утра. Солнечные лучи, пробившись сквозь густую листву больничного сада, скользили по палате, и из коридора доносился невнятный гомон. Миши в постели уже не было.

Сазан оделся и пошел проводить генерального директора. Тот по-прежнему лежал с закрытыми глазами и сжатым ртом.

У постели его сидели Миша Ивкин в шортах и маечке и еще один человек-лет пятидесяти, в белом полотняном костюме и при галстуке.

– Алексей Юрьевич Глуза, – сказал полотняный человек, поднимаясь, – вот, зашел проводить.

Сазан оглядел новоприбывшего.

Господин Глуза был несколько одутловат; крысиные хвостики усов свисали по обе стороны влажного краснотелого рта; глаза господина Глузы бегали, как два таракана. В облике господина Глузы имелось странное противоречие – самой своей природой господин Глуза был явно предназначен к тому, чтобы радоваться жизни и всем ее проявлениям, как-то: вкусной еде, девочкам и коньяку, и запечатленное на его физиономии печальное выражение странно противоречило его существу.

– Я так понимаю, вы теперь исполняющий обязанности директора? – спросил Сазан.

– Я так понимаю, вы вроде как новый зам? – в ответ спросил Глуза.

Сазан задумался, пытаясь определить свой законный статус относительно аэропорта Рыкове, но тут с постели подал голос Миша Ивкин.

– Да, Алексей Юрьевич, – сказал он, – мой отец, когда утром просыпался, сказал, чтобы вы исполняли его обязанности. А Валерия Нестеренко он просил быть замом. По безопасности.

Сазан был готов руку дать на отсечение, что директор как спал после приступа, так и не просыпался. Он внимательно посмотрел на мальчика, и тот очаровательно прищурил свои черные глазки. Так же невинно он шурился, наверное, когда бабушка спрашивала его, зачем он съел шоколадку перед обедом и где он разорвал штанишки. У Сазана возникло мрачное предчувствие, что этот парень, который пожалел, что в него стреляли не во время школьных занятий, по младости лет не въезжает, во что ввязался.

– Ну так поехали в контору? – спросил Сазан. Дорога из больницы в аэропорт была неожиданно долгой: по одну ее сторону тянулась бетонная стена вдоль летного поля, по другую – железнодорожные пути. Потом пути кончились, мелькнул переезд с полосатым шлагбаумом, и Сазан увидел справа глубокую чистую речку и по обе ее стороны кирпичные двухэтажные коттеджи «новых русских».

– Можно на минутку заскочить ко мне домой? – сказал Глуза.

– Заскакивай.

Автомобиль свернул с дороги и через мгновение стоял у черной витой решетки одного из домов. Глуза скрылся за калиткой, а Сазан вышел из машины, хлопнул дверцей и стал внимательно оглядываться по сторонам. Кто-то помахал рукой с соседнего дома: Сазан пригляделся и узнал одного из своих ребят. Славку. Славку отрядили стеречь дом Ивкина.

Калитка хлопнула снова: Глуза сел в машину и вгрызся зубами в пухлый бутерброд.

– Не хотите?

– Нет. Вы что тут, все живете? – спросил Сазан.

– Да. Это вот дом Виталия Моисеевича, рядом мой, а напротив Балуй – это еще один зам. А вот тот, через речку – это дом Кагасова.

– Кагасова? Которого прочат в директора?

– Да.

– Но он же из Краснодара.

– Из Краснодара, а дом себе купил. Месяца два назад. Он же у нас член совета директоров – от Службы транспортного контроля.

Сазан молча глядел в окно. Любой из обитателей этого мини-поселка мог видеть два дня назад, как из дома Ивкина в одиннадцать часов вечера выехала «мазда». Правда, он не мог знать, куда она поехала. Но какая разница? Отсюда к центру Москвы только одна дорога, с Алтыньевского на Ярославское – а потом через проспект Мира.

– Не знаете, зачем Шило вчера ехал в аэропорт? – спросил Сазан.

– Понятия не имею.

– Он часто приезжал в Рыкове?

– Когда с этой своей лялькой любился – постоянно. А потом они разбежались. Он сюда ездил раз в неделю, в две.

– Кто-то его должен был вызвонить

– Я ему не звонил.

– А кто звонил?

– Никто не говорит, что звонил. А вы что, действительно считаете, что Шило убили не случайно?

Сазан помолчал.

– Не знаю, – сказал он наконец, – а кто, по вашему мнению, стрелял в Ивкина?

При упоминании имени шефа вся краска вдруг сбежала с лица Глузы, и он поперхнулся своим бутербродом.

– Честно говоря, не знаю, что и думать, – сказал он, – все это так... неожиданно.

– А все-таки?

– Ну... Я могу только предполагать... Понимаете, мы все, конечно, поддерживаем Виталия, но эта борьба не может идти до бесконечности.

– Борьба со Службой контроля?

– Да. Они давят на нас, мешают работать, самолеты, которые раньше летели к нам, теперь летят во Внуково по их настоянию, и рано или поздно это кончится отставкой Виталия. Все это понимают.

В этих условиях Виталию остается только одно – ну, как бы сказать, – обеспечить свое будущее. Глаза Сазана сузились.

– То есть украсть побольше и сбежать подальше?

– Ну... это очень грубо... Но в последнее время есть у нас такая тенденция – не платить где только можно. И вот, например, – мы два месяца назад отремонтировали ТУ-154 – не мелкий ремонт, это мы сами делаем, а капитальный, на Харьковском авиаремонтном заводе – и не заплатили.

– Сколько не заплатили?

– Если в долларах – около четырехсот тысяч. Харьковчане нам каждый день звонили, пока у них телефоны за неуплату не отключили.

– И что Ивкин им отвечал?

– Ну что он может ответить? Ля-ля-ля, «простите, ребята, мы раньше богатые были, теперь обеднели, вот разберемся со Службой и вам заплатим».

– То есть в Ивкина могли стрелять из-за неоплаченного самолета? Глуза колебался.

– Во всяком случае, последний мой разговор с Харьковским был такой: «У тебя дочка в школу ходит? А как тебе понравится, если ей засадят?»

– А сколько дочке?

– Вы с ней знакомы, Валерий Игоревич. Вы, насколько я понимаю, спасли ей жизнь. Ей и Мише.

Голос Глузы звучал совсем глухо: видимо, то, что случилось два дня назад, было для него чудовищным потрясением.

– Или вот – мы должны регионам...

– За что?

– Самолет летает? Летает. В какой-нибудь волгоградский аэропорт сел? Сел. За посадку в аэропорту надо платить. А мы не платим. Есть аэропорты, которым мы задолжали сумму вполне достаточную, чтобы убить человека.

– То есть вы не думаете, что киллеров нанимали люди из СТК?

На Глузу, уютно устроившегося на заднем сиденье, словно пахнуло могильным холодом из кондиционера.

– Нет, конечно, – сказал он. – Как можно! Они уже подъехали к аэровокзалу. Сазан вышел из машины задумчивый. Глуза ему глубоко не понравился, как бухгалтеру не нравится бумага со слишком вежливым содержанием и слишком неясной подписью. Нет, врать господин Глуза не врал – долг харьковчанам наверняка был, и те, как и любой на их месте, визжали устно, письменно и по факсу, как свинья, которую режут живьем. Но вот какое интересное дело: господин Глуза своим рассказом не только обелил Службу транспортного контроля. И не только объяснил, что если господину Нестеренко очень интересно отыскать того, кто заказал Ивкина, то ему понадобится для этого объехать половину аэропортов в радиусе четырех тысяч километров от Москвы. Он тонко – совершенно по ходу дела – намекнул собеседнику, что его шеф вовсе не намерен оставаться во главе «Рыково-АВИА». Что все эти отмененные собрания, взаимные обвинения, отчаянная борьба – все это лишь маневры, нужные для того, чтобы оттянуть время и выжать из обреченной должности как можно больше дохода. И, возможно, получить с СТК побольше отступного. Не сто тысяч долларов, а двести или триста.

А стало быть – тут же напрашивалась очевидная мысль – ему. Сазану, тут на аэродроме ничего не светит. Нет смысла защищать человека, который прибирает вещички перед уходом из кабинета, не особо разбирая, где свое шмотье, а где казенное. И самое лучшее, что он. Сазан, может сделать, – это пожаловать в Службу и продать там этого человека по сходной цене.

Было уже одиннадцать часов утра, когда в одном из светлых кабинетов в центре Москвы – а может быть, и не в центре – приоткрылась дверь и внутрь скользнул невзрачный человек в грязноватых джинсах и куртке шофера. Собственно, это и был шофер – шофер того, кто сидел за столом. Правда, этот шофер выполнял некоторые дополнительные поручения шефа, но в ведомостях эти поручения отражения не имели, хотя оплачивались значительно лучше, чем основная работа.

Человек в щегольском летнем костюме нежно-салатового цвета поднял голову:

– А, Володя. Ну что?

Человек в шоферской куртке покачал головой,

– Он не смог это сделать.

– Почему?

. – Приехал какой-то Нестеренко и повсюду наставил своих людей.

– Кто такой Нестеренко?

Шофер молча положил листок бумаги на стол человека в салатовом костюме. Человек изучал его несколько минут.

– Но это бред! – вдруг сказал он. – Что этот тип забыл в Рыкове? Респектабельная «крыша», бензином он не торгует... У Ивкина просто нет таких денег, чтобы заплатить ему за услуги! Нестеренко – «крыша» Ивкина! Это все равно, как если бы, я не знаю, бомж пришел в Национальный резервный банк и получил там два миллиона кредита!

Собеседник откашлялся. Салатовый костюм вдруг поднял глаза:

– Ты думаешь, это не случайно? Ты думаешь... он может быть из органов"?

– Нестеренко иногда покупал органы, но никто не слышал, чтобы он с ними сотрудничал. На твоём месте я бы опасался другого. Знаешь, этим бизнесом могут заинтересоваться не только органы. Но и – как бы это мягче сказать – коллеги Нестеренко...

– Ты полагаешь?

– Ничего я не полагаю, – сказал второй человек, – если бы я шел по дороге и увидел кошелек, то я бы его поднял. И Сазан сделал то же самое – поднял кошелек на дороге. Когда он увидит, что кошелек пуст, он выкинет его обратно. Если он его не выкинет... значит, он не случайно набрел на кошелек.

Пенсионерка в цветастом хлопковом платье сидела на крашеной скамеечке, изрезанной изречениями окрестных панков, и вокруг скамеечки бегал белый пудель, время от времени принимаясь лаять на подсевшего к ней молодого человека. Пенсионерка взахлеб рассказывала молодому человеку одну из самых интересных историй, случившихся с ней за последние полгода: это была история о том, как она играла с Сергеем Петровичем и с Аней в «подкидного» и вот-вот должна была выиграть – и тут прибежали люди в масках и пятнистой форме и выдворили ее с лавочки, потому что на пятом этаже засел террорист. Это была не такая поучительная история, как та, что случилась вчера, когда продавщица на базаре попыталась обсчитать ее на двадцать копеек, но и в ней были свои незабываемые моменты.

– Значит, они вас не спрашивали, куда побежал преступник? – переспросил молодой человек.

– Какое спрашивали! – возмутилась старушка. – Эти, молодые, разве чего спрашивают? Они сами все знают!

– Этот, который террорист, мы даже и не заметили, как он прошел в подъезд, – поддакнул подошедший к ним пенсионер – это ему принадлежал белый пудель, – а минут через пять пробегают двое из воинской части. Солдатик кричит: «Парень тут не пробежал, в джинсах, в замшевой куртке?» Мы говорим, что никто не пробежал. А другой, со звездочками, в подъезд и сразу на третий этаж, шмяк в дверь и кричит сверху: «Тут он! Вызывай ребят!»

– А вот еще у меня соседка завела привычку кормить голубей, – со вздохом сказала старушка. – Я ей как-то говорю: «Валерия Павловна! Что же вы делаете? Голубь птица антисанитарная, а балкон у нас общий...»

Старушка оглянулась.

Молодого человека уже не было поблизости.

– Вот молодежь, – сказала старушка, – никакого уважения к старшим, – и принялась рассказывать историю про голубей соседу с пуделем, который слышал ее уже около семи раз.

Алексей Юрьевич Глуза, ближайший друг Ивкина и исполняющий обязанности генерального директора «Рыково-АВИА» на время болезни своего шефа, прибыл к особнячку, занимаемому Службой транспортного контроля, около четырех часов дня.

Встреча с Рамзаем, директором службы, была назначена ровно на четыре.

Тем не менее прошло не меньше получаса, пока Глузу запустили в кабинет, и все это время он сидел в предбаннике, забившись в угол коричневого кожаного дивана и угрюмо листая случившийся рядом журнал «Эксперт». Холеная секретарша Рамзая забыла предложить ему чаю, а многочисленные посетители приемной – большей частью чиновники СТК – избегали разговаривать с Глузой. Те же, что разговаривали, звучали ненатурально бодро – так оголодавшие наследники разговаривают с богатым дядюшкой, находящимся в последней ста-

дии рака. Наконец, в полпятого вечера секретарша подняла головку от книжки, которую она читала, и сказала:

– Вас просят пройти.

Глава Службы транспортного контроля Сергей Станиславович Рамзай сидел в просторном кабинете, в сени широкоформатного флага Российской Федерации, лениво колыхавшегося в такт оконным занавескам. Обширный, но дешевый стол перед Сергеем Рамзаем был завален бумагами – не то затем, чтобы впечатлить всякого, кто заглянет в кабинет, несомненными доказательствами бурной жизнедеятельности и полезности Службы, не то затем, чтобы скрыть пятна и порезы на многое повидавшей поверхности стола. Кроме бумаг, на столе красовались выключенный компьютер с клавиатурой, покрытой пылью, модели ИЛ-62 с задраным в потолок носом, и фотография Сергея Рамзая в обнимку с бывшим первым вице-премьером Олегом Сосковцом. У Сергея Станиславовича Рамзая было крупное, холеное лицо довольного Богом священника или довольного миром чиновника, и он взирал на Глузу покровительственно и холодно.

К заваленному бумагами столу был пристроен другой, буквой Т: по обе его стороны тянулись кожаные кресла. В одном из этих кресел сидел, развалиясь, худошавый человек со скучающим выражением породистого лица: это был первый заместитель Рамзая, Анатолий Васильевич Васючиц, также известный авиационной публике под кодовым наименованием «Вась-Вась».

Повинуясь царственному кивку Рамзая, Алексей Юрьевич Глуза сел в кресло напротив и забегал глазами по сторонам.

– Как же так, Алексей Юрьевич, – раздался размеренный, исполненный собственного достоинства голос главы Службы, – вы обещали помочь нам...

– Он обещал помочь себе, – перебил развалившийся в кресле «Вась-Вась». Глуза повесил голову.

– Нет, я правильно понимаю, Алексей Юрьевич, – что когда вы сегодня утром обзванивали всех членов совета директоров, то вы звали их на заседание, на котором Кагасова должны были назначить исполняющим обязанности генерального директора. Так?

– Да.

– И почему же этого не произошло?

– Послушайте, я тут ни при чем! Появился этот бандит, поставил своих людей в больнице, поставил своих людей в аэропорту, зашел во все кабинеты со своими качками: «Ага, у вас тут совет директоров намечается? Вы, пожалуйста, определитесь правильно с голосованием».

– И почему с голосованием определились в вашу пользу?

– Но это... естественно... Я – правая рука Вити. И в качестве его правой руки...

– В качестве его правой руки вы можете сесть за решетку, – угрожающе сказал Рамзай. Глуза содрогнулся.

– Сергей Станиславович! Анатолий Васильевич! – умоляюще сказал он. – Но я не вижу, чтобы произошло что-то такое уж страшное. Весь аэропорт устал от этой склоки. Я устал от этой склоки. Я гарантирую вам, что мое назначение – это правильное решение! Если бы назначили Кагасова – его не любят пилоты, еще бы забастовка какая случилась... Ну почему вам так обязателен этот Кагасов?

– Потому что Кагасов – честный человек и отличный хозяин, а вы все жулье, – заявил Рамзай, – потому что под его руководством аэропорт добьется процветания! Пора навести порядок на топливозаправочных комплексах! Я не позволю вам обманывать государство! И если вы будете продолжать вести себя так, как вы ведете, то мы полностью и досконально проверим все, что творится на вашем ТЗК! И что творится с вашими авиабилетами!

Размай встал. Его круглое, лоснящееся лицо преобразилось. Он заговорил.

Он говорил о необходимости создания государственного концерна, наилучшим образом осуществляющего авиазаправки, и о минимизации расходов на обслуживание самолетов. Он говорил о необходимости повышения качества авиаобслуживания и о соревновании с зарубежными компаниями.

В процессе говорения лицо Рамзая преображалось. Он напоминал уже не серенького чиновника – он напоминал рок-певца, стоящего на сцене перед потрясенным залом. Он не говорил, он пел.

Когда он дошел до роли СТК в развитии отечественной авиации, его заместитель Васючиц стал откровенно и хамски улыбаться – впрочем, Рамзай не замечал этой улыбки, потому что за всю его жизнь Рамзаю ни разу в голову не пришло, что его мыслям можно внимать иначе, как с почтительным потрясением, а Глуза, напротив, уткнул глаза в полированный стол и думал: «Пронеси, Господи!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.